

Игорь Шестков "Ящерица"

ЯЩЕРИЦА

Человеколюбие оставило Руди Хайнца после того, как он понял, что Германия будет и дальше принимать беженцев. По миллиону в год.

В молодые годы он побывал в арабских странах, и был поражён нищетой, суеверием и восточной осатанелостью населения... стал жертвой мошенничества и воровства. Отравился арабской едой и страдал несколько лет от последствий отравления. Пожил год в турецком районе Берлина и натерпелся там грубостей и унижений.

Ему не хотелось, чтобы его прекрасная страна превратилась в какой-то задрипаный «халифат».

Последнее время им все чаще овладевала слепая белая ярость. Потому что он твердо знал – хотя таких как он в Германии миллионы, правящие «демократические» партии и правительство всегда будут действовать вопреки его воле и гнать и гнать сюда мусульман. А его и его единомышленников – всячески травить и оскорблять на телевидении и в прессе, называть неонацистами.

В новую партию – «Альтернатива для Германии» Руди не верил.

– Как только они получают власть и богатство, разжиреют, погрязнут в коррупции и забудут свои обещания. Побегут на поклон к саудитам и станут такими же, как сегодняшние – коллаборантами, национал-предателями.

Ярость Руди, как кипящий бульон в скороварке, искала выхода.

И нашла.

Он убил ребенка – мальчика.

...

Прямо перед балконом квартиры Руди, выходящем на тихую улицу города, росло дерево. Руди не знал точно, что это за дерево... каждую весну оно цвело розовато-оранжевыми пушистыми цветами и радовало Руди. Сакура?

Цветов было много, так много, что не хотелось верить глазам... Казалось, бабушка связала огромную шапочку из цветов и надела ее на дерево.

Около недели продолжалась эта цветочная оргия, затем цветы коричневели, опадали... дерево делалось просто деревом, по его веткам сновали воробьи и синицы, которых Руди кормил очищенными от скорлупы семечками.

В тот день Руди чувствовал себя особенно одиноким, несчастным и яростным. Его единственная дочь не звонила уже месяц, самому ей звонить она Руди запретила. Дочь его жила в Голландии, не работала, покуривала травку, с последним своим мужем развелась шесть лет назад. Что она там делает целый день? Бедняжка.

Боролся с одиночеством как умел... вспоминал жену, оставившую его сразу после Объединения, работу, которую потерял так давно, что даже забыл лица сослуживцев, рисовал птиц... перерисовывал их из книжки к себе в альбом. Слушал музыку. Не выбирал, какую придется... Радио в форме гриба он получил бесплатно от какой-то благотворительной организации за однодневную автобусную поездку в Виттенберг, на торжества по случаю Года Лютера и Реформации.

Компьютера у него не было. Руди был рад, что мог из своей нищенской пенсии оплачивать скромную двухкомнатную квартиру в плохом районе города. Денег едва хватало на еду и лекарства.

Пообедал готовым морковным супом за евро двадцать из магазина Пенни напротив, в который настриг ножницами немного зеленого лука с собственной плантации на подоконнике... полежал в ванне, заснул, поспал в теплой водичке, вымылся...

Захотел подышать свежим воздухом, вышел на балкон, проверил, полна ли кормушка. Подсыпал корма и посмотрел на дерево.

Стояла типичная немецкая зима, бесснежная, теплая и гнилая. Дерево сбросило листья и лоснилось от сырости. На вершине его сидел мальчик. Увидев его лицо, Руди испугался...

Руди не понимал, чего он собственно боится... мальчишке было всего лет восемь... расстояние от балкона до дерева, метра четыре, можно было преодолеть только по воздуху.

Да и не стал бы этот чужой мальчуган вредить Руди...

Руди испугал не мальчик, а его присутствие... чужое, назойливое присутствие...

почти на его балконе, на его территории. Руди ушел назад в гостиную и осторожно посмотрел на мальчика через жалюзи балконного окна. Мальчишка сидел на вершине дерева и деловито ломал ветки своими маленькими, сильными не по годам руками. Безжалостный... циничный... разрушитель.

Даже тут, за стеклом, Руди слышал треск ломаемых веток.

Руди узнал его – это был сын неприятных, смуглых людей с грубыми лицами, жителей соседнего подъезда. Кто они были, Руди толком не знал, но предполагал, что это румыны, принадлежащие к какому-то этническому меньшинству. Гагаузы?

Соседка рассказывала, что они приехали в Германию три года назад как беженцы и остались... как-то смогли убедить немецких чиновников в том, что их преследуют на родине из-за их национальности.

– И живут теперь человек тридцать в двухкомнатной квартире... Наверное обманули этих легковерных идиотов-бюрократов, не знающих мира, как их все обманывают. Наша страна превратилась в выгребную яму для гнилого сброда из Восточной Европы... а теперь Германия стала еще и приютом для дезертиров из Афганистана и Сирии. Устроили бойню в своих странах, а теперь хотят испоганить все тут, в Европе. Проклятая Меркель! Это она пустила сюда эти полчища негодяев. Ну ничего, когда-нибудь эта самовлюбленная сука ответит за все.

...

Руди бессильно смотрел на мальчика, ломающего его любимое дерево. Он знал по опыту – слова бесполезны. Это грязное животное не слезет с дерева, не перестанет ломать ветки, даже если Руди его попросит. Даже если он встанет перед ним на колени.

Звонить в полицию тоже бесполезно. Раньше Руди часто звонил туда, когда видел что-то отвратительное и хотел предотвратить еще худшее.

Кто-то привязал собаку к уличному столбу и ушел, и несчастное животное лаяло и выло от страха... начало кидаться на прохожих...

Группа маленьких хулиганов, явно турецкого или арабского происхождения, кидала камни в хромую старушку...

Несколько восточных людей выгрузили сломанную мебель и отвратительно

пахнущие мешки с мусором прямо на газон, метрах в тридцати от входа в его подъезд. И уехали. Руди не успел записать номер...

Полицейские давно уже знали его голос и имя и на его вызовы не ездили.

Руди чувствовал себя беззащитной жертвой произвола хищных и алчных чужаков. И этот мальчишка на дереве принадлежал к НИМ.

Руди казалось, что он слышит, как дерево плачет как ребенок, которому ломает пальцы садист... Его охватила слепая белая ярость.

Руди пошел на кухню, открыл холодильник, и достал оттуда пачку разноцветных вареных яиц. Открыл в гостиной дверь на балкон, несколько раз примерился... не хотел, чтобы его с улицы видели... и запустил в мальчика первое, желтое яйцо.

Не попал. Яйцо просвистело метрах в полутора от маленького негодяя, тот даже его не заметил.

Второе яйцо, синее, ударило в ствол... взорвалось как маленькая безвредная граната... остатки яйца упали на газон.

Зато третье, красное яйцо, попало мальчишке между глаз.

Тот вскрикнул, испугался, что станет кривым, прижал к больному месту нечистые ладони... потерял равновесие и рухнул вниз.

Приземлился неудачно. Колышек невысокой металлической ограды прошил насквозь его грудную клетку.

...

Под деревом лежал окровавленный труп ребенка.

Руди был потрясен. Он не хотел убивать.

Из соседнего подъезда выбежали две толстые коротконогие женщины в цветастых платках, встали на колени и начали голосить. Они вздымали к небу руки. Руди смотрел на них из окна.

– Жалко пацана. Это наверное его мать и бабушка... теперь они визжат, как свиньи. Надо было сына воспитывать, а не приставать к туристам на Алексе.

Тогда он остался бы жив и дерево радовало бы всех нас еще сто лет. А теперь их сынка и внука сожрут черви.

Через четверть часа приехала скорая помощь, тело мальчика забрали в больницу.

...

Руди надеялся на то, что никто не заметил его стрельбы яйцами по мальчику на дереве.

Но это было не так.

В критический момент родной дядя мальчишки, по роду занятий карманный вор, случайно посмотрел в окошко. Увидел что-то красное, ударившее его племянника по лицу. Видел, как мальчик падает прямо на проклятый штырь. Вышел на улицу после того, как увезли тело и все стихло.

Догадался, что это красное – прилетело с балкона гадкого седого немца с сумасшедшей физиономией, который однажды сделал ему замечание... что-то вроде: Прошу вас, не бросайте мусор во дворе... для мусора – мусорные баки, вон, всего в нескольких шагах...

Дядя нашел на месте падения племянника несколько кусочков красной яичной скорлупы и желтка... Все понял... И решил не обращаться в полицию, а попробовать пошантажировать немца. Если получится, выдрать из него пару тысяч. Ведь все они – богачи, не то что мы...

Времени дядя терять не стал... прошел в соседний подъезд по пожарному проходу на последнем, одиннадцатом этаже... нашел входную дверь квартиры Руди и позвонил.

...

Когда Руди услышал звонок, его сердце сжалось... чутье подсказало – звонит тот, кто знает, что он виноват в смерти мальчика.

Посмотрел в глазок – какой-то неприятный тип... ага, узнал... этот тоже из соседнего подъезда, это тот, который все время кидает окурки из окна и сорит во дворе... Что ему надо?

Открыл, но внутрь не пустил.

В кармане у Руди был большой складной нож, купленный на птичьем рынке за десять евро. Руди не собирался его использовать... но нож придавал ему уверенности в себе.

А дядя сразу решил схватить быка за хвост.

– Я видел. Ты кинул яйцо. Мальчик упал и умер. Ты убийца.

– А ты дурак, шел бы вон.

– Пойду в полиция и расскажу.

– Иди.

Дядя испугался, что шантаж не удастся. Решил поработать корпусом. Попер на шуплого Руди брюхом. Как японский борец. Одолел немца. Протиснулся в квартиру. Закрыл за собой дверь.

Хотел что-то сказать... наглым, требовательным тоном...

Но тут... получил неожиданный страшный удар ножом в горло. Руди, несмотря на свои семьдесят лет, был еще крепок. Ударил снизу вверх. Поблескивающее лезвие вошло в голову ворвавшегося в его дом мерзавца.

Неудачливый шантажист захлебнулся кровью... выпучил глаза... упал. Начал биться и хрипеть.

А Руди ловко надел ему на голову полиэтиленовый пакет с надписью ЛИДЛ и завязал на шее шнурком от ботинок. Минуты через три дядя умер.

На резиновый коврик Руди, защищающий ламинат его узенькой прихожей от уличной грязи на ботинках хозяина и редких гостей, натекло с пол-литра крови.

Руди после этого, неожиданного и для него самого, удара ножом, ничего не соображал, действовал инстинктивно.

Пан или пропал.

Вытащил труп с пакетом на голове на лестничную клетку, втащил в лифт, поднялся на одиннадцатый этаж, перетащил дядю волоком в его подъезд и втащил в лифт. После чего отправил лифт с телом на первый этаж, а сам ушел домой. Окровавленный пакет и шнурок забрал с собой.

Отнес коврик и пакет в ванную. Смыл кровь. Разрезал их ножницами на куски и унес в близлежащий лесок. Нашел подходящее дупло и засунул в него резиновые треугольники. Забил дупло землей.

Нож бросил в канаву с илистым дном. Туда же кинул шнурок.

На всякий случай выкинул и свои домашние тапочки.

Пришел домой.

Еще раз тщательно проверил прихожую – искал капельки крови. Не нашел.

Мокрой шваброй быстро-быстро вымыл пол перед входной дверью и в лифте и переход в соседний подъезд.

Немецкий бог спас Руди – никто не видел его стараний.

Запер квартиру, вышел из дома через задний вход и уехал в свой загородный

домик.

И, хотя пассажиры автобуса казались ему страшилищами, в пути успокоился, пришел в себя, ярость его на время улеглась.

Вернулся домой через четыре дня.

В почтовом ящике нашел приглашение на беседу в Крипо. Был там допрошен без пристрастия. Это была формальность, следовательно был уверен, что румына убили свои в криминальной междоусобной разборке.

...

Недели через три Руди убил беженца-сирийца.

Сириец шел в свое общежитие. А Руди возвращался с прогулки. Ему показалось, что сириец зло и насмешливо на него посмотрел.

Он подошел к нему и ударил его, как и соседа, ножом в горло. Сириец не ожидал такого от седовласого дедушки. Осел, заливаясь кровью, и упал лицом вниз.

Похрипел немного и затих.

Внезапно Руди понял, что стал серийным убийцей. Руки его, с уже показавшимися старческими пятнами, были в крови... Колени болели. Ломило поясницу. Дыхание было затруднено от волнения. По спине катил холодный пот. Зачем он убил этого парня? Какая кошмарная бессмыслица!

Руди первый раз в жизни засомневался... в окружающем его мире, в самом себе... А не проверяет ли кто меня? Вон березка оставшимися желтенькими листиками трепещет. Она тут зачем? Она настоящая? Или она декорация?

А эти ужасные трехэтажные кирпичные дома с трехцветными флагами в окнах. Они настоящие? Их жители живут... или только едят, спят, ходят на работу...

Нет, они не люди... мы все не люди... мы ящерицы...

Как бы отвечая его мыслям, к Руди на всех парах приближалась разверстая огненная пасть размером с колокольню... из пасти несло горелым мясом... доносились истошные вопли...

Руди зажмурился, но пасть его не тронула... исчезла...

Он услышал смех. Обернулся.

Позади него стоял человек в длинном пальто с выглядывающим из под него характерным белым воротничком. Он смеялся и посматривал на Руди лукаво.

Затем дунул в воздух, и все остановилось. Машины, едущие по шоссе метрах в

ста от них. Трактор, тащивший на прицепе тесаный лес. Вороны, деловито ищущие корм на поле. Застыл и пролетающий над ним самолет, несколько минут до этого стартовавший в Тегеле. И зимнее белесое Солнце застыло в сером небе. Застыл и Руди. Двигаться мог только он, этот загадочный свидетель третьего убийства нашего героя.

Человек в длинном пальто подошел к Руди и внимательно посмотрел на него. Заговорил низким неприятным голосом.

– Как глубоко вы вживаетесь в роль! Три убийства! Из жалости к самому себе... какая убедительная мотивация! И какая непроходимая тупость! Срисовывал птиц из книжки в альбом... Завидно, право. Вы отравили своей посредственностью само время и пространство. И эту жизнь, себя, и похожих на вас вырождаков, вы решили защитить? Так? И как резво начали... как яростно... Наказываете воду (он показал рукой на скрюченного сирийца) за то, что ваши инженеры проявили милосердие и открыли шлюзы. Bravo!

Тут он опять расхохотался. Его хохот стучал в уши и виски Руди как молоток. Руди начал терять себя, преображаться. От его личности и от его фигуры, как от гипсовой статуи стали откалываться куски... а дьявол все бил и бил его молотком... пока от Руди не осталось ничего, кроме маленькой дрожащей ящерицы.

Человек в пальто достал из кармана серебряный футляр в форме трубочки, открыл его, ловко поймал им зверька и завинтил крышечку. Положил трубочку в карман.

Дунул в воздух, отчего все вокруг него пришло в движение, и исчез.